

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 20–26.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 1 (86):20–26.

Научная статья

УДК 94(47).072

DOI 10.37724/RSU.2025.86.1.002

Островные жители в составе Закубанского поселения в первой половине XIX века¹

Сергей Николаевич Шаповалов

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Shapovalov07@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка осмыслить переселенческие процессы, происходившие на северо-восточном берегу Черного моря в первой половине XIX века, а также существовавшие здесь поселенческие типы. Одним из них стало поселение на Счастливом острове, входившее в состав Закубанского поселения. На основе архивных материалов в статье реконструируются причины переселения крестьянского и казачьего населения в Анапу, особенности их водворения на новоприобретенных землях, проблемы и сложности, возникавшие у местных властей с обеспечением переселенцев земельными наделами. Одним из способов решения проблемы недостатка мест для водворения в станицах Закубанского поселения стало основание при них небольших поселков. Такой подход позволил создать уникальное для северо-восточного берега Черного моря островное поселение в акватории Кизилташского лимана. Его жителями были крестьяне, прибывшие в Анапу для причисления к Закубанскому поселению. Важнейшей особенностью поселения было удачное сочетание различных форм хозяйственной деятельности, в том числе охоты, рыболовства, огородничества и пашенного земледелия, что позволило не только обеспечить островитян всеми необходимыми ресурсами, но и включить их в земледельческую жизнь Закубанского поселения. Изучение истории поселения на Счастливом острове позволило прийти к выводу, что удачный опыт основания и развития поселения оказался невостребованным вследствие начала Крымской войны и неблагоприятных условий Парижского мира, приостановивших освоение северо-восточного берега Черного моря.

Ключевые слова: Анапа, Благовещенская станица, Закубанское поселение, переселенцы, северо-восточный берег Черного моря, Счастливый остров.

Для цитирования: Шаповалов С. Н. Островные жители в составе Закубанского поселения в первой половине XIX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 20–26. DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.002.

Original article

Island residents in Zakubansky settlement in the first half of the 19th century

Sergey Nikolaevich Shapovalov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Shapovalov07@gmail.com

Abstract. The article attempts to analyze the resettlement processes that took place on the north-eastern shore of the Black Sea in the first half of the 19th century, as well as the settlement types that existed there. One of these was the settlement on Schastlivy Ostrov (Happy Island), which was part of the Zakubansky settlement.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>

Based on archival materials, the article reconstructs the causes of resettlement of the peasant and Cossack population to Anapa, the conditions of their settlement on the new territory, the problems and difficulties encountered by the local authorities in providing the settlers with land plots. One of the ways of solving the problem of lack of places to settle in the villages of the Zakubansky settlement was to establish small settlements around them. This approach allowed creating the island settlement unique to the north-eastern Black Sea coast in the waters of the Kiziltashki estuary. Its inhabitants were peasants who came to Anapa to settle in Zakubansky. The most important feature of the settlement was a successful combination of various forms of economic activity, including hunting, fishing, horticulture and arable land farming. This provided the island residents with all the necessary resources and also incorporated them into the agricultural life of the Zakubansky settlement. The study of the history of the Schastlivy Ostrov settlement led to the conclusion that the successful experience of founding and developing the settlement was interrupted due to the outbreak of the Crimean War and unfavorable conditions of the treaty of Paris, which suspended the development of the northeastern coast of the Black Sea.

Keywords: Anapa, Blagoveshchenskaya stanitsa, Zakubansky settlement, settlers, northeastern shore of the Black Sea, Schastlivy Ostrov.

For citation: Shapovalov S. N. Island residents in Zakubansky settlement in the first half of the 19th century. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 1 (86):20–26. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.002.

Введение

В первой трети XIX века началось гражданское освоение северо-восточного берега Черного моря, вошедшего в состав империи по итогам Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Центром притяжения беглых помещичьих и имевших письменные виды государственных крестьян, мещан, представителей других сословий российского общества на несколько десятилетий XIX века стала бывшая османская крепость Анапа, переданная во владение Российской империи по условиям Адрианопольского мира.

Постоянный приток населения из разных губерний империи в окрестности Анапы был обусловлен объективными и субъективными причинами. К первым, безусловно, можно отнести: малоземелье значительной части российского крестьянства, частые неурожаи, бедность местных почв на значительной части территории Центральной России, не позволявшая вести рентабельную земледельческую деятельность. В числе вторых можно выделить: склонность части населения к бродячему образу жизни, разрыв некоторых крестьян со своими общинами и обществами, бегство от правосудия за различные преступления, дезертирство, стремление к обретению полной свободы, а также слухи о благодатном климате, высокой урожайности сельскохозяйственных культур, даровании многочисленных льгот и свобод в новых российских провинциях.

Историк Дэвид Мун, занимавшийся изучением проблемы заселения Северного Кавказа в XIX веке, полагал, что главной причиной неконтролируемого переселения российских крестьян было распространение неправдоподобных слухов о преимуществах проживания на этих землях: «в 1830-х и 1840-х гг. тысячи крестьян нелегально мигрировали из юго-восточных губерний России на Северный Кавказ в результате доходивших до них законодательных слухов о заселении края. Одни законы поощряли перемещение в регион представителей некрепостного населения, а другие противоречиво предусматривали переселение некоторых бродяг» (пер. наш. — С. III.) [Moon, 1992, p. 23].

Его мнение в этом вопросе разделял специалист в области теории фронта Томас Барретт. С его точки зрения, притягательность территории Северного Кавказа и побережья Черного моря для переселения крестьян заключалась в бытовавших ложных слухах о даровании свободы при заселении этого края: «В 1837 г. крестьяне особенно часто бежали в район Анапы, где было объявлено, что беглецам будет предоставлено убежище, они будут включены в ряды казачества, и согласно одному из вариантов, получают специальные документы, позволяющие им вернуться к местам прежнего проживания и освободить свои семьи» [Барретт, 2000, с. 187].

Исследовательница Л. В. Бурыкина расширяет круг причин, вынуждавших российских крестьян решаться на незаконную миграцию на земли Северного Кавказа. Она считает, что главной побудительной причиной их переселения был поиск на окраинах империи облегчения своего положения, так как в XIX веке оно ухудшалось вследствие малоземелья, неурожаев, увеличения гнета со стороны государства и помещиков, гонения официальной церкви (см.: [Бурыкина, 2005, с. 20]).

Новоприобретенные земли на Северном Кавказе и побережье Черного моря привлекали российских крестьян позитивными слухами о местных урожаях, различных льготах и поощрениях, прощении проступков. Однако благоприятность климатических условий и местных почв в значительной мере нивелировалась военной опасностью со стороны горских народностей, которые не признавали факта передачи их земель в Российскую империю из состава Османской, «так как их зависимость от последней в политическом, экономическом и культурном отношении была больше номинальной, чем фактической» (цит. по: [Кудаева, 2017, с. 81]).

Сложившееся положение вынуждало переселенцев осваивать менее благодатные земли, расположенные вблизи укреплений, постов и редутов. Одним из ярких примеров вынужденного освоения неблагоприятных для сельскохозяйственной деятельности территорий стало заселение одного из островов, образованного на северо-восточном берегу Черного моря в месте впадения протоков рек Джиги и Кубани в Кизилташский лиман. Его жители числились в первой половине XIX века в составе Закубанского поселения.

Основная часть

В первой трети XIX века начался приток российских переселенцев в крепость Анапа. Она оказалась самым доступным для освоения пунктом на северо-восточном берегу Черного моря, так как имела сухопутные и морские пути сообщения. Сухопутная почтовая дорога проходила через Анапу и Джеметею и доходила до Бугазской переправы. На противоположной стороне располагалась земля Черноморского казачьего войска, откуда транзитом прибывала основная часть переселенцев. Морская коммуникация связывала Анапу, Керчь и Тамань благодаря пароходному сообщению.

До начала переселения российских крестьян в Анапе почти не было гражданского населения. В ней размещались солдаты местного гарнизона, служащие чиновники, арестантские военные рабочие роты, немногочисленные русские торговцы, анатолийские турки, греки, армяне, крымские татары. Как писали в отчетах чиновники Анапского временного правления: «...Вольные ремесленники до того времени также не посещали Анапы, а потому никакие сельские и городские промыслы, не имея никаких особых работ, не могли быть развиты, в особенности, когда в крепости находились арестантские и военно-рабочие роты» [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 8]. Именно последние выполняли все необходимые работы по поддержанию оборонительного состояния крепости, производили расчистку территории от разрушенных домов и зданий, возводили необходимые военные объекты для войск гарнизона и гражданских чиновников.

При этом сама крепость Анапа не получила достаточного финансирования для размещения местного гарнизона и водворения новых поселян, прибывавших из различных губерний Российской империи (см.: [Федина, 2022, с. 8]). Поэтому здесь ощущался недостаток в домах для гражданского населения, не хватало колодцев с питьевой водой, было недостаточно мест для размещения новых переселенцев, практически не было частных и казенных заказов для развития ремесленной деятельности. Острой проблемой являлась нехватка строительных материалов, несмотря на изобилие в окрестных лесах строевого леса и камня в пределах горных кряжей (см.: [Скорик, Федина, 2022, с. 28]). Однако сложности обустройства в Анапе, фактическое отсутствие мест для временного и постоянного размещения, а также недостаток в работах не останавливали приток населения на северо-восточный берег Черного моря.

Освоение Анапы приобрело более упорядоченный характер, когда по инициативе командира Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющего гражданской частью в Грузии, Армянской области, Кавказской и Астраханской губерниях барона Г. В. Розена сюда началось переселение семей малороссийских казаков. Осенью 1832 года местная инженерная команда построила в крепости 22 дома, куда были переведены на жительство 44 семьи. В следующем году к ним добавилось еще 26 семей. По назначению начальства поселянам за счет казны выделили земледельческие орудия, хлебные и огородные семена, рабочий скот, ружья и патроны [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 9–9 об.]. Положительный опыт централизованного переселения продемонстрировал местным властям возможности по заселению северо-восточного берега Черного моря гражданским населением.

Однако скученность населения в Анапе и сложности в обеспечении прибывавших источниками существования и приработками обостряли отношения между властями в крепости и переселившимся населением. Отвечая на многочисленные просьбы переселенцев о наделении земельными участками, местное и кавказское начальство приступило к освоению ближайших к Анапе и пригодных для сельскохозяйственной деятельности земель. Согласно отчетам Анапского временного правления это произошло только на четвертый год после переселения малороссийских казаков: «Распашку земель и огородничество Анапы стали производить эти поселяне, только с начала 1836 года, и как выручка урожая хлебов, по местному соображению, признана была достаточною для продовольствия их семей, то отпуск им казною провианта был прекращен с начала 1838 года» [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 10].

Успехи в земледелии и усугублявшийся недостаток жилья в Анапе привели к основанию первых поселений вне крепости. Формой поселения были избраны станицы, несмотря на то, что к водворению в них предназначалась большая часть неказачьего населения. Избрание такого типа поселения было обусловлено двумя причинами. Первая из них заключалась в стремлении высшего начальства со временем обратить все население Анапы и ее окрестностей в казачье сословие. Второй причиной был проект переселения до 1 000 семей малороссийских казаков в Анапу. Его полная реализация привела бы к доминированию казачьего населения в крепости и ее округе. К моменту появления первых станиц в окрестности Анапы было переселено лишь несколько десятков семей малороссийских казаков.

Весной 1836 года с разрешения главноуправляющего гражданской частью в Грузии, Армянской области, Кавказской и Астраханской губерниях барона Г. В. Розена местные власти приступили к устройству первых двух станиц на северо-восточном берегу Черного моря: «...первая Благовещенская по избрании места назначена на приличном возвышении в 100 саженных от Кизилташского лимана, а вторая Николаевская на возвышенной плоскости в расстоянии от пресных колодезей в 150 саженях» [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 21]. В этом же году строительство станиц было завершено, и они стали заселяться жителями Анапы, имевшими необходимый земледельческий инвентарь, семенной фонд и скот. Новопостроенные станицы образовали Закубанское поселение, управлявшееся Анапским временным правлением.

В силу удаленного местоположения станицы Благовещенской от мест проживания горского населения она оказалась самым безопасным населенным пунктом в составе формировавшегося Закубанского поселения. Ее преимуществами перед другими пунктами стали близость Кизилташского лимана и Бугазской переправы (через нее происходило перемещение населения из и в соседнюю землю Черноморского казачьего войска), защищенность станицы от враждебных действий со стороны горцев гарнизонами крепости Анапы, укрепления Джеметея, редутами и постами, близость к дороге, соединявшей Анапу и Тамань, куда прибывали первые переселенцы.

По безопасному положению станицы Благовещенской ей назначалось иметь только два крепостных орудия, но поселение все же было обнесено рвом. Как и в прочих поселениях, здесь были устроены бастионы и станичные ворота. Небольшая площадь новой станицы позволила Анапскому временному правлению возложить все работы по устройству населенного пункта на водворявшихся здесь поселян. Для облегчения и ускорения работ использовался труд поселян, которые демонстрировали «неблаговидное поведение» [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 22].

Небольшая площадь Благовещенской станицы позволила поселить здесь лишь 30 семей. Однако привлекательное и безопасное местоположение поселения вскоре вызвало приток желавшего водвориться здесь населения. За неимением мест они стали селиться вблизи станицы, создав первые поселки в Закубанском поселении. Один из них получил наименование поселок при Благовещенской станице, а другой назывался поселок при Благовещенской стрелке. Жители этих поселков были тесно связаны со станицей в земледельческом, торговом и административном отношениях.

К началу 1840-х годов поселенческие возможности станицы Благовещенской и ее поселков были исчерпаны. С разрешения начальства переселенцы стали осваивать акваторию Кизилташского лимана. Выбор станичных властей и населения пал на остров, располагавшийся в одноименном лимане между протоками рек Кубани и Джиги. Он был удален всего на одну версту от Благовещенской стрелки, а от одноименной станицы его отделяло пять верст пути. С началом заселения безымянный остров получил наименование Счастливый.

Площадь Счастливого острова в окружности достигала 12 верст, что составляло около 13 км. Он был образован благодаря речным наносам протоков Кубани и Джиги. Остров был невысоким, что не позволяло переселенцам использовать всю его площадь для заселения. Низинные места подтапливались речными потоками и водами Кизилташского лимана во время таяния снегов и обильных дождей, поэтому здесь нельзя было разбивать огороды и строить дома. Небольшая часть Счастливого острова имела возвышенную песчаную полосу земли до 600 саженей (около 1 280 м) с покатосями в сторону лимана. Именно эта островная территория была избрана для основания постоянного поселения.

На Счастливом острове не было источников пресной воды, а окружавшие его Кизилташский и Кубанский лиманы отличались соленостью. По этой причине вся необходимая вода привозилась жителями из близко расположенных протоков Кубани и Джиги. На острове росли лозы и имелись небольшие лесные участки. Все эти материалы использовались только для разведения огня. Почвенный покров острова состоял из песка, который был перемещен с плодородной почвой, вынесенной сюда водами Кубани и Джиги, и был пригоден для выращивания огородных культур.

Заселение Счастливого острова началось в 1842 году [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 6]. После этого в составе Закубанского поселения появилась уникальная островная территория. Ее население на первых порах составили 12 семей и около 70 одиноких поселенцев. Все необходимые материалы для строительства домов привозились водворявшимися из протоков реки Джиги. Ее берега поросли различными породами деревьев и камыша, которые использовались для возведения поселения. Срубленные бревна сплавлялись по реке, омывавшей берега острова. Близость и значительные запасы строительных материалов позволили построить поселение в течение нескольких летних месяцев одного года. Плодородные участки острова были поделены на огороды между его немногочисленными жителями, выращивавшими здесь зелень и овощи.

Ведущими формами хозяйственной деятельности для поселян на Счастливом острове были рыболовство и охота. Первая позволяла заниматься промыслами в соседних лиманах и в протоках двух рек. К 1847 году островитяне основали здесь три рыбных завода. Для сравнения, в остальных станицах Закубанского поселения, расположенных на берегу Кизилташского или Кубанского лиманов, действовало всего по одному такому заводу [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 79 об. 80]. Отдаленность новой территории от мест проживания первых переселенцев способствовала сохранению различной пернатой дичи, которая в большом количестве была представлена на острове. Охота и рыболовство составляли важнейшие источники благосостояния жителей Счастливого острова, но далеко не единственные.

Начальство Закубанского поселения распорядилось выделить из земельного фонда станицы Благовещенской часть пахотных полей. Островные жители стали выращивать пшеницу, рожь, овес и другие сельскохозяйственные культуры. Для обработки своей пашни островитяне обзавелись скотом. По состоянию на 1847 год им принадлежало 16 голов рабочего и 11 гужевого скота [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 79 об. 80]. В это же время здесь проживало 11 семей. По-видимому, все семьи были обеспечены как минимум одной головой рабочего и гужевого скота.

Обеспечение жителей Счастливого острова пахотными полями играло важную роль в формировании и поддержании их благосостояния. Успехи в охоте и рыболовстве зависели от многих обстоятельств и не всегда гарантировали полное обеспечение для поселян. Не обладая земельными фондами, островитяне были бы вынуждены продавать или обменивать рыбу и добытую дичь для получения зерна в соседних станицах или самой Анапе, поэтому наделение пахотными полями избавило поселян на Счастливом острове от беспокойства за надежный источник продовольствия.

Одной из особенностей населения Счастливого острова было обладание большим числом лодок. По состоянию на 1847 год за островитянами числилось 9 лодок. В это же время в станице Благовещенской была одна лодка, а в Суворовской — также 9, но на 165 семей [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 81 об. 82]. Владение лодками позволяло заниматься промыслами, в том числе по добыче древесины и ее продаже в другие населенные пункты, перевозкой различных казенных и частных грузов, поддерживать коммуникацию с другими станицами Закубанского поселения, имевшими доступ к акватории Кизилташского или Кубанского лимана. Лодки использовались и для оставления острова во время военной опасности со стороны горцев. Для защиты от последних привлекался гарнизон укрепления Джеметея, который также охранял население Благовещенской станицы [Там же. Д. 11. Л. 6 об.].

Наиболее тесные взаимоотношения сложились у жителей Счастливого острова с поселянами на Благовещенской стрелке, которая была минимально удалена от них. Сюда они привозили для обмена или продажи древесину, пернатую дичь и разные сорта рыбы. В свою очередь островитяне нуждались в различных ремесленных и промышленных товарах, которые производились в Закубанском поселении или закупались из соседней Черномории. В административном плане жители Счастливого острова подчинялись начальству Благовещенской станицы, так как она располагалась ближе всех и была связана земельными отношениями.

Заселение Счастливого острова имело важное стратегическое значение для Закубанского поселения: оно позволило сблизить станицы Витязеву и Благовещенскую через пространство Кубанского лимана. Теперь поселяне могли добираться до Благовещенской стрелки или Счастливого острова и далее безопасно следовать в станицу. Сам остров был удобен в качестве временной стоянки во время плавания по Кубанскому и Кизилташскому лиману в сторону Бугазской переправы. Кроме того, островитяне были хорошо вооружены и постоянно практиковались в стрельбе. По своим промыслам они объезжали все верхние протоки Кубани, посещали Андреевский и прочие посты черноморских казаков по Кубани и не позволяли горцам внезапно нападать на жителей Витязевой станицы [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 36].

При всех своих достоинствах поселение на Счастливом острове имело важный недостаток. Геологическое строение острова не позволяло заселять и осваивать всю его территорию, из-за чего за 12 лет существования поселения численность его населения лишь незначительно увеличилась. По состоянию на 1853 год на острове числилось 17 семей, состоявших из 72 мужчин и 28 женщин, что в совокупности дает 100 лиц обоих полов [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 162. Л. 2].

Медленный прирост населения объяснялся особенностями водворения населения в Закубанском поселении. Для получения разрешения требовалось не только соответствовать определенным критериям хозяйственности: обладание земледельческими орудиями, рабочим скотом, семенным фондом, но и дожидаться появления свободных мест в населенных пунктах, например в результате расширения их площади или строительства новых. Кроме того, пахотные площади станицы Благовещенской не увеличивались, а население ее поселков, в том числе Счастливого острова, постепенно возрастало. Отсутствие свободных земельных фондов не позволяло обеспечивать пахотной землей новых островных жителей, что значительно снижало у новых переселенцев желание водвориться на этой специфической территории.

Заключение

Заселение и освоение Счастливого острова было прервано в результате начавшейся Крымской войны. В 1854 году в период угрозы северо-восточному берегу Черного моря со стороны англо-французской эскадры начальство приняло решение об эвакуации станиц и населенных пунктов Закубанского поселения в соседнюю землю Черноморского казачьего войска. В результате жители Счастливого острова были перемещены вместе с поселянами других станиц и поселков в черноморские казачьи станицы в Таманском округе.

В последующих отчетах Анапского временного правления они числились как островитяне, хотя с 1854 года и проживали в различных черноморских станицах. По состоянию на 1857 год жители Счастливого острова проживали в станице Новоминской Ейского округа Черноморского казачьего войска. Здесь обосновались 17 семей, состоявших из 76 лиц мужского и 43 лиц женского пола [РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 154. Л. 2 об. 3].

После завершения Крымской войны по условиям Парижского мира Российская империя не имела права укреплять побережье Черного моря, вследствие чего не спешила восстанавливать Закубанское поселение. Этому препятствовала и продолжавшаяся война с горскими народностями. В результате бывшие поселяне Счастливого острова так и остались приписанными к новым населенным пунктам, а уникальный опыт островного поселения более не был востребован на северо-восточном берегу Черного моря. Прибывшее во второй половине XIX века в Анапу и ее окрестности население уже не нуждалось так остро в земле, как более ранние переселенцы, и реализовывало себя в различных формах торговой и промысловой деятельности. Возникшие на месте прежних населенных пунктов станицы, например Благовещенская, Витязева и прочие, не были стеснены недостатком земельного фонда, и их жители не рассматривали возможности освоения островов, располагавшихся в Кизилташском и Кубанском лиманах.

Список источников

1. Барретт Т. М. Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Имперский период. — Самара : Самар. ун-т, 2000. — 332 с.
2. Бурыкина Л. В. Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е — 50-е гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2005. — № 4. — С. 20–22.
3. Кудяева С. Г. Актуальные вопросы истории и культуры адыгов. — Майкоп : Магарин О. Г., 2017. — 170 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 788. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 6–6 об.; Д. 55. — Л. 8, 9–9 об., 10, 21–22, 36, 79 об. 80, 81 об. 82; Д. 154. — Л. 2 об. 3; Д. 162. — Л. 2.
5. Скорик А. П., Федина И. М. Кубанские курени и станицы. Повседневный переселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII — первой трети XX века. — Новочеркасск : Лик, 2022. — 1336 с.
6. Федина И. М. Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: российский опыт региональной политики XIX столетия. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2022. — 193 с.
7. Moon D. Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855 (Studies in Soviet History and Society). — N. Y. : Palgrave Macmillan, 1992. — 249 p.

References

1. Barrett T. M. The Uncertainty Line of the North Caucasian 'Frontier' of Russia. *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperskiy period*. [American Russian Studies: The Historical Landmarks in the historiography of recent years. The Imperial period]. Samara, Samara University Publ., 2000, 332 p. (In Russian).
2. Burykina L. V. Peasant migration to the North-West Caucasus in the 1820s–1850s. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Adyghe State University]. 2005, iss. 4, pp. 20–22. (In Russian).
3. Kudayeva S. G. *Aktualnyye voprosy istorii i kultury adygov*. [Actual issues of the history and culture of the Adyghe]. Maykop, Magarin O. G. Publ., 2017, 170 p. (In Russian).
4. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)*. F. 788. Op. 1. D. 11. L. 6–6 ob.; D. 55. L. 8, 9–9 ob., 10, 21–22, 36, 79 ob. 80, 81 ob. 82; D. 154. L. 2 ob. 3; D. 162. L. 2. [Russian State Military Historical Archive (RSVIA). F. 788. Op. 1. D. 11. L. 6–6 ob.; D. 55. L. 8, 9–9 ob., 10, 21–22, 36, 79 ob. 80, 81 ob. 82; D. 154. L. 2 rev. 3; D. 162. L. 2. (In Russian).
5. Skorik A. P., Fedina I. M. *Kubanskiye kureni i stanitsy. Povsednevnyy pereselencheskiy uklad kubanskikh kazakov i istoricheskiye formy poseleniy na Kubani v kontse XVIII — pervoy trety XX veka*. [Kuban kurens and stanitsas. Everyday migration way of life of the Kuban Cossacks and historical forms of settlements in Kuban in the late 18th – first third of the 20th centuries]. Novocherkassk, Lik, 2022, 1336 p. (In Russian).
6. Fedina I. M. *Poselencheskoye miromodelirovaniye Vostochnogo Prichernomor'ya: rossiyskiy opyt regionalnoy politiki XIX stoletiya*. [Settlement world modeling of Eastern Black Sea Region: Russian experience of regional policy in the 19th century]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2022, 193 p. (In Russian).
7. Moon D. *Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855 (Studies in Soviet History and Society)*. New York, Palgrave Macmillan, 1992, 249 p.

Информация об авторе

Шапалов Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета.

Сфера научных интересов: история заселения северо-восточного берега Черного моря, переселенческая политика в Российской империи в XIX веке.

Information about the author

Shapovalov Sergey Nikolaevich — Candidate of History, Associate Professor of the Department of Russian History at Kuban State University.

Research interests: history of settlement of the north-eastern coast of the Black Sea, resettlement policy in the Russian Empire in the 19th century.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024; принята к публикации 01.12.2024.
The article was submitted 30.08.2024; accepted for publication 01.12.2024.